

Языковая полифония в романе Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны»

Тауль Кирилл Эдуардович

Студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

По словам известного чешского литературоведа Б. Матезиуса, «романтическое, националистическое воззрение всего нашего XIX столетия превратило язык литературы в консервативный, бедный, бумажный диалект интеллектуалов» (цит. по: [Rytlík: 39]). Другое искусственное языковое образование представлял собой канцелярский чешский язык. Ярослав Гашек в своем романе противопоставил обеим этим формам живой язык персонажей. Чтобы понять, насколько принципиальным было это противопоставление, достаточно вспомнить, с одной стороны, читаемый Швейком отрывок из «дамских» писаний Ружены Есенской, а с другой – «глубокомысленные», но при этом пустые казенные бумаги, цитируемые Гашеком.

В послесловии к первой части романа автор обещал читателям, что и в последующих частях «солдаты и штатские тоже будут говорить и поступать так, как они говорят и поступают в действительности. Жизнь – это не школа для обучения светским манерам. Каждый говорит как умеет» [Гашек: 225]. В соответствии с этим язык книги необычайно полифоничен: кроме едва ли не всей палитры форм чешского языка, в ней в большей или меньшей мере присутствуют также другие языки Австро-Венгрии и остального мира. Максимальной полифонией в этом смысле, включая многоязычие, отличается последняя, четвертая часть. Проиллюстрируем сказанное на примере первой главы этой части – «Швейк в эшелоне пленных русских».

Наиболее ярко в языковом отношении здесь, как и в романе вообще, представлен Швейк. Его речь характеризуют разные элементы обиходно-разговорного чешского языка (далее ОЧЯ):

- Фонетические – протетическое *v: von* ‘он’, *vopice* ‘обезьяны’; [ej] в соответствии с литературным [ī] (графически *í* и *ý*): *mladej* ‘молодой’, *tejden* ‘неделя’; [ī] (графически *í* и *ý*) в соответствии с литературным [ē] (графически *é*): *oblíknout* ‘одеться’, *jinýho* ‘другого’; упрощение групп согласных, в том числе утрата конечного *-l* в форме м. р. ед. ч. причастий на *-l*: *kerej* ‘который’, *moh* ‘мог’;

- Морфологические – формы тв. п. мн. ч. имен и местоимений на *-ma*: *kuchařkama* ‘кухарками’, формы 3 л. мн. ч. глаголов типа *prosit* по типу *sázet: neučejí* ‘не учат’;

- Лексические – экспрессивные лексемы и синтагмы: *potvora* ‘скотина’, *hňupové* ‘тупицы’, *natřel prdel* ‘надраил задницу’, а также некоторые обиходные германизмы: *kvér* ‘ружье’, *šacovat* ‘обыскивать’, *ekluju si* ‘брезгую’.

Иногда Швейк старается говорить «культурно»: употребляет книжные лексемы (*przniltel* ‘хулитель’), использует принятое в мещанской среде вежливое обращение в 3 л. мн. ч. – т. н. «ониканье» (германизм по происхождению), сочетая все это с элементами ОЧЯ: *Nenajdou-li provaz, pověsejí ho na lajntuchu* – ‘Если не найдете веревку, повесьте его на простыне’.

Из германизмов Швейк чаще всего применяет «армейские»: *regiment* ‘полк’, *magacín* ‘склад’, *lajtnant* ‘лейтенант’, *kvartýrmachr* ‘квартирьер’. В разговоре с начальством он иногда вообще прибегает к немецкому языку: *Herr Leutnant, ich melde gehorsamst* – ‘Господин лейтенант, осмелюсь доложить’.

В речи других персонажей – в репликах, произносимых или передаваемых по-чешски (автор не случайно делает оговорки *mluvil česky* ‘говорил по-чешски’ или *německý rozhovor* ‘немецкий разговор’) – также встречаются отдельные элементы ОЧЯ: форма 2 л. ед. ч. н. вр. глагола ‘быть’ *jseš, držte hubu* ‘заткнитесь’, освоенные народным чешским языком германизмы: *ksindl* ‘отребье’, *lágr* ‘лагерь’, а также в разной степени освоенные русизмы: *pogrom, machorka*. С другой стороны, здесь широко представлены

иностранные языки. Швейк слышит фразы на ломаном русском: *Tatárin net, čerkes, rodneja čerkes, golovy režu*, а в речи крымского татарина даже на арабском: *Allah achper – Allah achper – bezmila – arachman...*, на венгерском: *Baszom az élet*, на смеси чешского с польским: *To jsem se dostal do penkneho svinstva* – и, конечно, немецкие: *Wer kann deutsch sprechen* ‘Кто говорит по-немецки’, в том числе на диалекте: *Nix böhmisch* ‘Не (говорю) по-чешски’.

Авторское повествование, в отличие от речи персонажей, выдержано в целом в русле книжной языковой традиции XIX – начала XX в. С ней можно связать употребление автором р. п. отрицания, деепричастий и форм инфинитива на *-ti*, а также некоторые особенности порядка слов (например, постановку возвратных частиц сразу после глагола, а не на втором месте во фразе: *teprve za rok vzpomněla si* – ‘только через год вспомнила’). Примечательно, что с этими явлениями порой соседствуют элементы ОЧЯ, в основном лексические (*celé té proceduře se ničema nijak nebránil, domnívaje se...* – ‘все́й этой процедуре мерзавец нисколько не противился, полагая...’), а из морфологических – инфинитивы на *-ct* (*šikovatel však to chtěl vši mocí přemoct* – ‘ефрейтор, однако, изо все́й силы хотел это осилить’). Помимо этого, в речи автора представлены более или менее освоенные иноязычные элементы, главным образом германизмы: *hauptvacha* ‘гауптвахта’, *šarže* ‘чин’ (встречаются и цитаты из реальных или вымышленных немецких текстов, ср.: *K. u. k. Militärmagazinkatze* ‘Императорско-королевские кошки при военных складах’), а также вкрапления из других языков, например словацкого: *mluvil místo rusky lámanou slovenčinou* – ‘говорил вместо русского на ломаном словацком’. Особо следует отметить многочисленные русизмы, почерпнутые Гашеком в России: *furažka* ‘фуражка’, *oddych* ‘отдых’, *za stolem* ‘за столом’ (наряду с чешской конструкцией *u stolu*), употребление глагола *znát* вместо *vědět* (*neznalo ještě nic určitého o revolučních organizacích v cizině* – ‘не знало еще ничего определенного о революционных организациях за границей’), из которых далеко не все можно считать сознательно используемыми для создания соответствующего колорита.

Литература

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны / Пер.

П. Богатырева. Свердловск, 1957.

Pytlík R. Švejk dobývá svět. Hradec Králové, 1983.